

Н.В. Суржикова (ИИиА УрО РАН)

**ОТДЕЛ ПОМОЩИ РОССИЙСКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ В
ЕКАТЕРИНБУРГЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(февраль 1915 — март 1917 гг.)**

В последние годы активизировались поиски отечественных ученых в области изучения опыта российского меценатства и благотворительности, которые вылились в целый ряд диссертационных исследований¹, научных и научно-практических форумов², объемистых монографий³ и специальных периодических изданий⁴.

В рамках темы общественного призрения особняком стоит вопрос о функционировании многочисленных негосударственных объединений периода Первой мировой войны, вызвавшей мощный патриотический подъем и способствовавшей консолидации россиян перед лицом нависшей угрозы.

Не будет преувеличением сказать, что к началу войны на Урале уже сложились богатые традиции благотворительности. В Екатеринбурге особая атмосфера и этика благотворительности сформировались благодаря деятельности Общества милосердия, Мусульманского благотворительного общества, Дамского комитета, Уральского отделения Всероссийского союза по борьбе с детской смертностью, Общества борьбы с чахоткой, а также больничных касс, церковных приходов, мещанских и купеческих обществ. Институциональное многообразие социальных организаций предвоенного периода позволяет говорить об имевшихся предпосылках трансформации компенсаторной благотворительности в инвестирующую. Однако Первая мировая поспособствовала скорее не качественным изменениям в системе социального партнерства, а тиражированию уже накопленного опыта. Прежде всего война значительно расширила список объединений, ставивших своей целью осуществление широкой помощи тем категориям сограждан, которые в ней нуждались⁵. В их числе оказались семьи защитников Отечества, призывников и запасных, раненые и увечные войны, беженцы и военнопленные.

Особую роль в координации усилий разных общественных сил на поле благотворительности в годы Первой мировой войны сыграл, как известно, Всероссийский союз земств и городов (Земгор), созданный путем объединения возникших 30 июля и 8–9 августа 1914 г. Всероссийского союза земств (ВСЗ) и Всероссийского союза городов (ВСГ)⁶. Региональный комитет ВСГ в Екатеринбурге начал отсчиты-

вать свою историю с 1 декабря 1915 г. Под его эгидой были сформированы врачебно-санитарный совет и санаторно-курортная комиссия, юридический отдел, отделы помощи беженцам, увечным воинам и военнопленным⁷. Наиболее сложной задачей являлась, безусловно, организация работы последнего, поскольку сам розыск российских военнопленных за рубежом требовал колоссальных усилий, а зачастую и принятия нетривиальных решений.

Екатеринбургский отдел помощи военнопленным был создан по постановлению Екатеринбургского комитета Союза городов 1 февраля 1916 г. Неформальной датой рождения отдела следует считать 24 февраля 1916 г., когда при городской управе ежедневно с 12.00 до 14.00 был открыт «прием справок об адресах пленных» от населения⁸. Долгое время деятельность отдела не носила плодотворного характера как ввиду незнания населения Екатеринбурга и уезда о возможностях вновь созданной организации, так и по отсутствию материальных средств. «Лишь с ассигнованием Исполнительным бюро Главного комитета [Союза городов — С.Н.] на содержание отдела сначала 50, а потом 100 руб. в месяц работа стала налаживаться», — констатировала газета «Уральская жизнь»⁹.

С 4 по 18 марта 1916 г. в отдел военнопленных за справками обратились 164 чел. Одновременно поступило 736 руб. пожертвований, которые были затрачены на сбор подарков в пользу русских воинов, находившихся во вражеских странах¹⁰. К концу первой декады апреля 1916 г. число прибегших в деле розыска своих родных к помощи Екатеринбургского отдела приблизилось к 400 чел. Сотрудникам отдела удалось переслать за границу 91,4 руб. денег и 47 десятифунтовых посылок общей стоимостью 168,15 руб.¹¹ Новой благотворительной акцией отдела в мае 1916 г. стала организация сбора сухарей для пленных, о чем с энтузиазмом сообщала местная периодическая печать¹².

Первые скромные успехи отдела по делам военнопленных в Екатеринбурге убедили местных благотворителей в необходимости более серьезного административного и материального обеспечения организации, которые бы гарантировали не эпизодическую, а систематическую поддержку русским воинам за рубежом. 21 мая 1916 г. в помещении городской Думы состоялось собрание граждан, озабоченных этой проблемой. Таковых, правда, оказалось всего 12 человек, что не помешало определить приоритетные задачи деятельности организации в будущем и избрать ее Исполнительное бюро в составе известного в городских кругах общественного деятеля Н.П. Чистосердова

и В.Д. Шнейдера. Также было постановлено постараться привлечь к работе отдела возможно большее число местных благотворителей и взять на попечение 104-х пленных, адреса которых имелись в распоряжении наряду с тысячей рублей пожертвований¹³.

Надо сказать, что братьям Дмитрию и Николаю Чистосердовым отдел по делам военнопленных в Екатеринбурге во многом обязан своей историей. Документы свидетельствуют, что у истоков создания организации стоял Дмитрий Павлович Чистосердов¹⁴. Что касается Николая Павловича, заведующего делами Городского попечительского комитета по призрению семей призванных на войну (с 1915 г.), делами Городской продовольственной комиссии (с января 1916 г.), одного из инициаторов создания Городского попечительства о бедных (1916 г.), члена попечительских советов больницы для хроников и гимназии с совместным обучением¹⁵, то он удачно продолжил начатое братом дело. Опыт работы Н.П. Чистосердова на ниве общественного призрения оказался весьма полезен, позволив канализировать скудные материальные и организационные ресурсы отдела помощи русским военнопленным в нужное русло.

Функционирование отдела осуществлялось в рамках решения двух задач: задачи поиска соотечественников во вражеском плену и задачи их регулярной поддержки продуктами питания и предметами первой необходимости. В течение года, с марта 1916 по март 1917 г., в отдел было направлено более 600 запросов родственников пленных, в том числе 229 — из Екатеринбурга и 375 — его уезда¹⁶. Справки наводились через Центральное справочное бюро о военнопленных, Отдел помощи русским военнопленным Главного бюро Земгора, а также Копенгагенское бюро его Московского комитета. Параллельно делались обращения в Особый отдел Генерального штаба и Главное управление Российского общества Красного Креста. Длительная переписка далеко не всегда заканчивалась успехом. Из поданных к 1 марта 1917 г. 620 запросов в производстве находилось 262 (42,26 %), удовлетворены были 358 (57,74 %). При этом из ушедших на 358 адресов писем отклик получили всего 130, остальные 228 так и не нашли разыскиваемых пленных¹⁷.

Эффективность поиска, таким образом, составила немногим более 20 %. Но и это немало, как справедливо считали сотрудники отдела военнопленных в Екатеринбурге, всячески пытавшиеся наладить и облегчить контакты между отвоевавшимися соотечественниками и их близкими. Повседневной заботой отдела стала помощь екатеринбуржцам, нуждавшимся в правильном оформлении следовавшей за гра-

ницу корреспонденции. По нашим подсчетам, с марта 1916 г. по март 1917 г. такого рода поддержка оказывалась нуждавшимся хотя бы два раза в день всю неделю, кроме воскресенья, то есть практически ежедневно (всего 631 раз)¹⁸.

Повышенного внимания требовало не только и не столько правильное написание адресов. Сложной и запутанной была процедура формирования посылок для пленных, точнее, их заказа: «На препроводительных бланках установленного образца [они выдавались в канцелярии отдела военнопленных на Вознесенском проспекте, №20–45 — *С.Н.*] ... нужно написать точный адрес военнопленного и отправителя, подчеркнуть названия предметов, нужных к отправке. Перечень этих предметов напечатан тут же на бланке. Количество предметов, которые можно послать по одной бланке, не ограничено, ... но нужно соблюдать, чтобы общий вес посылки был бы больше 10 фунтов в 2, 3, 4, 5, и т.д. раз, то есть чтобы вся посылка при увеличении веса отдельных предметов получалась бы в 20 фунтов, 30, 40 и т.д.»¹⁹ За посылку каждые 10 фунтов взималась плата в 0,1 руб., которую надлежало переводить по почте на счет Екатеринбургского комитета Союза городов. Он, в свою очередь, через Петроградский областной комитет Союза передавал местные заказы в Голландию, откуда после комплектации посылки доставлялись русским солдатам и офицерам²⁰. Считалось, что такой порядок минимизирует зависимость находившихся за пределами России пленных от хронического удорожания, а затем и дефицита товаров на внутреннем рынке воюющей страны. Однако введенная система не всегда работала во благо русских воинов. К примеру, проблемой для них было получение сахара, сухарей и белого хлеба, поскольку на вывоз этих продуктов из Нидерландов был наложен запрет²¹.

В целом за год существования отдела военнопленных русским солдатам и офицерам за границу было отправлено 1125 посылок общим весом 230 пуд., или 3,68 тонны. По данным газеты «Уральская жизнь», посылки поступали в 93 лагеря, в том числе 75 германских и 18 австрийских²². Вне всякого сомнения, успешная организация почтовых отправок пленным имела не только прагматическое значение, но и способствовала укреплению их духа.

Отметим, что помощь находившимся в руках неприятеля русским воинам продуктами, ее размеры и интенсивность, в значительной степени определялись размерами и интенсивностью сбора средств в пользу военнопленных. Здесь возможности городского сообщества были явно ограничены. И удивительно, что, несмотря на тяготы воен-

ного времени, многие екатеринбуржцы изыскивали способы поддержки своих соотечественников. Одним из них явился отказ от традиционных праздничных визитов горожан. К примеру, вместо пасхальных визитов 1916 г. пожертвования в пользу русских военнопленных сделали С.Я. Крейнос, Н.Н. Сафонов, М.М. Прокофьев, М.Д. Седых, С. и А. Тихоцкие, Н.Т., А.В. и А.Мои наилучшие пожелания., Воробьевы, Ю.И. и О.М. Мишкевичи, А.С. Бакакина, В.В. Косяков, Д.М. Веселов, К.М. Брагин, Д.П. Чистосердов, И.О. Немировский, а также г-н и г-жа Пономаревы²³.

Как показывают источники, роль основного жертвователя в пользу пленных взяло на себя городское самоуправление. 21 февраля 1917 г. Дума Екатеринбурга в составе 30 гласных под председательством городского головы А.Е. Обухова, обсуждая смету городских расходов, помимо всего прочего рассмотрела вопрос об оказании помощи русским военнопленным за рубежом. «Мы до сих пор не вспомнили о наших соотечественниках, которые томятся в плену, — указывал в своем выступлении К.М. Брагин, — а между тем они там чуть не умирают с голоду. Предлагаю ассигновать 700 руб. на приобретение продуктов нашим военнопленным во вражеских странах»²⁴. Предложение было одобрено и средства поступили в распоряжение отдела помощи военнопленным, судя по всему, в самом ближайшем времени.

Что касается общей суммы пожертвований в пользу пленных, то, согласно данным газеты «Уральская жизнь», активистам екатеринбургского отдела удалось собрать на эти цели 2057 руб. 20 коп.²⁵ В пересчете на цены середины 1917 г. это, по самым приблизительным оценкам, либо около 3-х тонн сахара, либо почти 10 тонн пшеничной муки, либо 0,65 тонны мяса, либо порядка 10,25 тыс. шт. соленых сельдей, либо 0,5 тонны сливочного масла, либо более 4-х тыс. коробок папирос, либо около 130 пар полусапог интендантского образца²⁶.

Желая поддержать на собираемые деньги в первую очередь «местных уроженцев», попавших в плен, екатеринбуржцы обратились к Петроградскому областному комитету Земгора с просьбой выслать имеющиеся в его руках списки пленных Пермской губернии, по возможности Екатеринбургского уезда. По получению списков отдел военнопленных приступил к учреждению по примеру других государств института «крестничества», который гарантировал бы систематическую адресную помощь оказавшимся в неволе согражданам. Сначала на призыв отдела взять на свое попечение одного или нескольких крестников откликнулась масса желающих. Но в условиях нарастания про-

довольственного кризиса сделать это смог далеко не каждый. К марту 1917 г. круг крестных, регулярно плативших взносы в пользу опекаемых крестников, заметно сузился. Между тем механизм крестничества, вне всякого сомнения, оправдал себя. Благодаря ему отделом военнопленных было сформировано и отправлено по назначению 464 посылки на сумму 1366 руб., получателями которых по состоянию на 25 марта 1917 г. были 198 русских воинов²⁷.

К сожалению, начало революционных потрясений в России и на Урале явно не способствовало решению проблем, связанных с судьбами русских пленных за границей. Увлеченный политическими событиями Н.П. Чистосердов практически отошел от благотворительной деятельности, заняв в марте 1917 г. пост товарища председателя Екатеринбургского комитета общественной безопасности. Постепенно работа отдела помощи военнопленным в Екатеринбурге сворачивалась. Едва ли не последним свидетельством его функционирования стало короткое сообщение газеты «Уральская жизнь» от 6 июня 1917 г. В нем значилось, что в течение мая в адрес томящихся во вражеском плену солдат и офицеров русской армии отправлено около 100 посылок. «Фактически отправлялись отсюда деньги — или в Москву, или в Англию, или в Голландию, а оттуда уже на эти деньги отсылались посылки. Деньги, — продолжала газета, — принимает старообрядческий священник Бердышев. Им собрано около 2000 руб. на посылки военнопленным. Теперь комитет Союза городов заботится об отправке посылок отсюда. С этой целью исходатайствовано у Бюро мукомолов до 50 мешков муки. Из них комитет хочет напечь сухарей и послать военнопленным непосредственно посылками»²⁸.

В декабре 1917 г. Екатеринбургский комитет Всероссийского союза городов приступил к ликвидации своих дел ввиду их передачи в ведение городского самоуправления²⁹. Очевидно, завершилась и непродолжительная история отдела помощи военнопленным, продемонстрировавшая, что оптимальным является тот вариант социальной помощи, который предполагает интеграцию усилий общественных сил и властных структур. Как представляется, оставив лишь несколько строк в екатеринбургской летописи бескорыстия, местный отдел помощи военнопленным периода Первой мировой войны оправдал возлагавшиеся на него надежды. Опыт его работы есть ничто иное, как уникальный образец прагматического решения проблемы благотворительности, а потому он заслуживает всяческого уважения и, безусловно, дальнейшего исследования.

Примечания

¹ См.: Власова А.В. Благотворительность на Урале во второй половине XIX — начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004; Горбунова И.А. Становление общественного призрения на Дальнем Востоке России: 1884 — февраль 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2003; Дуплий Е.В. Становление и развитие приказов общественного призрения в России: 1775–1864 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; Кононова Т.Б. Благотворительность императорского дома. XIX в.: Историко-социальный аспект: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004; Павлова И.П. Социальное попечение в России в конце XIX — начале XX в.: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004; Павлова О.К. Предпринимательство, призрение и благотворительность в Санкт-Петербурге: Вторая половина XIX — начало XX веков: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2005; Покотилова Т.Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России: Мировоззрение и исторический опыт: Дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 1998; Семин О.В. Становление государственного призрения в России в XVII веке: Историко-социальный аспект: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; Фалько Е.И. Русское Женское Взаимно-благотворительное общество, 1885–1918 гг.: реконструкция документального комплекса: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; и др.

² Результаты работы этих форумов см.: Актуальные проблемы социальной истории: Сб. науч. ст. Новочеркасск, Ростов-на-Дону, 2000–2003; Вятка: народное образование и благотворительность: Материалы регион. науч. конф. Киров, 2004; Государство и Церковь в России: история взаимодействия в сфере благотворительности: Материалы межрегион. научно-практ. конф. Иваново, 2002; Милосердие и благотворительность в российской провинции: Тез. докл. Всерос. научно-практ. конф. Екатеринбург, 2002; Социальная работа в России: прошлое и настоящее: Сб. ст. и материалов. М., Ставрополь, 1998; Страницы истории благотворительности в Одессе: К 100-летию вступления графа М.М. Толстого в должность попечителя Одесской городской публичной библиотеки: Материалы конф. Одесса, 1997; и др.

³ Афанасьев В.Г., Соколов А.Р. Благотворительность в России: историографический аспект проблемы. СПб., 1998; Бадя Л.В. Благотворительность и меценатство в России: Краткий исторический очерк. М., 1993; Благотворительность на Урале / Дашкевич Л.А., Микитюк В.П., Голомидова М.В. и др. Екатеринбург, 2001; Бобровников В.Г. Благотворительность и призрение в России. Волгоград, 2000; Бочанова Г.А. и др. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Новосибирск, 2000; Власов П.В. Обитель милосердия. М., 1991; Галагузова М.А. и др. Благотворительность на Урале: Парадоксы времени. Екатеринбург, 2003; Матвеева Н.Л. Благотворительность семьи Романовых. М., 2004; Нещеретний П.И. Исторические корни и традиции развития благотворительности в России. М., 1993; Папенцева С.В. Правовой статус и структура женских благотворительных обществ России конца XIX — начала XX века. М., 1999; Скоц А.В. Меце-

натство и благотворительность в отечественном образовании XIX–XX веков. М., 2004; Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей, 1860–1914. М., 1999; Она же. Благотворительность в Российской империи, XIX — начало XX века. М., 2005; и др.

⁴ Напр.: Благотворительность в России: Исторические и социально-экономические исследования / Ежегодн. Вып. 1–4. СПб., 2001–2005; Вестник благотворительности. М., 1992–2005.

⁵ См. об этом: Кучак Л.Л. Общественные организации на Урале в годы Первой мировой войны (дофевральский период) // Первые уральские военно-исторические чтения. Материалы регион. науч. конф. Екатеринбург, 1997. С. 92–93; Поршнева О.С., Мальцева О.С. Благотворительность общественных организаций Екатеринбурга в годы первой мировой войны (по материалам прессы) // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице. Материалы Всерос. научно-практ. конф. Екатеринбург, 2002. С. 114–119; и др.

⁶ О деятельности Земгора см.: Антошин А.В. Благотворительная деятельность Земгора в России и эмиграции // Милосердие и благотворительность в российской провинции. С. 30–31; Асташов А.Б. Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну // Отечественная история. 1992. № 6. С. 169–172; Он же. Главный по снабжению армии комитет Всероссийского земского и городского союзов (Земгор) // Государственность России: Слов.-справ. М., 1996. Кн. 1. С. 93–94; и др.

⁷ Зауральский край. 1916. 26 апреля, 11 мая. (№ 91, 103); Уральская жизнь. 1917. 15 февраля. (№ 35).

⁸ Зауральский край. 1916. 24 февраля. (№ 42); Уральская жизнь. 1917. 1 марта. (№ 47).

⁹ Уральская жизнь. 1917. 1 марта. (№ 47).

¹⁰ Зауральский край. 1916. 23 марта. (№ 66); Уральская жизнь. 1916. 20 марта. (№ 64).

¹¹ Зауральский край. 1916. 8 апреля, 3 мая. (№ 79, 97).

¹² Зауральский край. 1916. 17 мая. (№ 108); Уральская жизнь. 1916. 17 мая. (№ 110).

¹³ Уральская жизнь. 1916. 19, 25 мая. (110, 114).

¹⁴ Прямых указаний на это нет, но есть косвенные. См., напр.: Зауральский край. 1916. 5, 25 мая. (№ 99, 114).

¹⁵ Автор благодарит за любезно предоставленную информацию н.с. ИИиА УрО РАН Владимира Петровича Микитюка.

¹⁶ Уральская жизнь. 1917. 1 марта. (№ 47).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Зауральский край. 1916. 29 апреля. (№ 94).

²⁰ Там же.

- ²¹ Зауральский край. 1916. 16 июня. (№ 132).
²² Уральская жизнь. 1917. 1 марта. (№ 47).
²³ Зауральский край. 1916. 16 апреля. (№ 83).
²⁴ Уральская жизнь. 1917. 24 февраля. (№ 42).
²⁵ Там же. 1917. 1 марта. (№ 47).
²⁶ Там же. 1917. 13, 17 июня; 7 июля, 11 июля, 12 июля, 16 июля. (№ 123, 130, 145, 148, 149, 153).
²⁷ Там же. 1917. 1, 25 марта. (№ 47, 67).
²⁸ Там же. 1917. 6 июня. (120).
²⁹ Там же. 1917. 2 декабря. (№ 200).

А.Н. Трифонов (ИИиА УрО РАН)

СНАБЖЕНИЕ ПРОМТОВАРАМИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА СВЕРДЛОВСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Огромные трудности испытывало население нашей страны в годы войны в обеспечении промтоварами. Рыночные централизованные фонды сократились значительно. Товары ширпотреба стали быстро скупаться в магазинах. Свердловский торговдел в ноябре 1941 г. сообщал в вышестоящие организации о резком сокращении «товарных остатков промтоваров. При отсутствии новых поступлений». В продаже, правда, еще имелись фетровые шляпы и перчатки. Но через месяц и их не стало, по информации того же торговдела в магазинах остались лишь «тяжелые подсвечники».

В феврале 1942 г. была введена карточная система на промтовары. В число нормируемых вошли все виды тканей, кожаная, валяная, резиновая обувь, швейные изделия, трикотаж, часы, мыло и некоторые другие предметы повседневного спроса. За товар владелец карточки отдавал определенное количество условных единиц — купонов. На рабочую карточку предусматривалось 124 купона, для служащих — 100, для иждивенцев, детей — 80 купонов. При покупке пары обуви для взрослого человека требовалось отдать 50 купонов, за пальто — 80, за пару детских чулок — 3, за кусок хозяйственного мыла — 2 купона и т.д.

Но даже резко уменьшенные фонды промтоваров не завозились в установленном объеме. Так, в Свердловске в 1942 г. реально получено хлопчатобумажных тканей, хозяйственного мыла, кожаной обуви 30–50% от плана. В некоторые месяцы ряд товаров не завозился вообще.

Предполагалось, что смягчить кризис снабжения промтоварами смогут местная промышленность, промкооперация, артели инвалидов.